

Хотя факты говорили сами за себя, после ухода Чжао Шэна атмосфера заметно разрядилась. Чжао Сянъянь быстро вспомнил, что, когда он покидал тот дом, на место ещё никто не прибыл, так что Чжао Шэн вряд ли мог его узнать. Да и если бы он действительно узнал его, то, зная отношение Чжао Шэна к нему, разве мог бы он оставаться таким спокойным, узнав, что тот вернулся к жизни?

Так зачем же Чжао Шэн пришёл? Неужели, как и говорили слухи, все, кто упоминал его брата, плохо заканчивали? Или он пришёл, чтобы свести счёты?

Как бы то ни было, независимо от того, узнал его Чжао Шэн или нет, у него сейчас не было возможности сопротивляться. К тому же он не забыл одну важную вещь — ему нужно было как-то предупредить Чжао Шэна, что смерть брата не была случайной, и угроза ещё не миновала.

В голове у него сложился примерный план. С силой оттолкнув Чжан Хэ, он вернулся в ванную, чтобы одеться.

Чжан Хэ бросил взгляд на дверь и последовал за ним. Облокотившись на дверной косяк, он скрестил руки на груди, его взгляд скользил по фигуре Кэ Яня, от плеч до талии, останавливаясь на белоснежных ягодицах.

— Тебе не противно?

Чжао Сянъянь натянул брюки, скрывая вызывающие мысли части тела, на его лице больше не было и следа прежней паники, но откровенный взгляд Чжан Хэ вызывал у него отвращение.

— Зачем ты поехал так далеко?

Чжао Сянъянь лишь нахмурился, не отвечая, и жестом показал, чтобы тот отошёл. Чжан Хэ не стал настаивать, слегка отступив в сторону. Если Чжао Сянъянь не осмеливался перечить Чжао Шэну, то как он мог?

Когда тот уже подходил к двери, Чжан Хэ произнёс предупреждение:

— Независимо от того, зачем Чжао Шэн ищет тебя, не приближайся к нему слишком близко. Он не тот, с кем стоит связываться.

Чжао Сянъянь подумал, что тот ничего не понимает, вмешиваясь в чужие дела.

Район был старым, грязным и запущенным, даже звёздное небо казалось здесь блёклым и лишённым красоты. Неподалёку стояла машина, которая, как и её владелец, выглядела здесь чужеродно. Чжао Шэн стоял рядом с автомобилем, казалось, он всё это время смотрел в его сторону, ожидая.

— Садись.

Как только он подошёл, Чжао Шэн открыл для него дверь.

— Не сяду.

Чжао Сянъянь остановился в метре от него, чувствуя, будто Чжао Шэн сквозь внешность Кэ Яня видит его настоящего. Это ощущение было ещё более неловким, чем если бы он действительно был обнажён, особенно когда он вспоминал те интимные моменты, где Чжао

Шэн на картинах и в реальности казались совершенно разными людьми. Разве его брат действительно мог выражать такие эмоции и манеры?

Прежде чем его разум окончательно перегрелся, Чжао Сянъянь поспешно остановил себя.

— А если ты снова закроешь меня? Ты знаешь, каково это — не есть три дня?

Кстати, сейчас он тоже был голоден. Как получилось, что после перерождения он даже не мог нормально поесть?

Чжао Шэн проигнорировал его возражения, обошёл машину и сел на водительское место.

Даже если Чжао Сянъянь изо всех сил старался не признаваться Чжао Шэну, в глубине души его подчинение старшему брату было трудно изменить. Он ругал себя за то, что сменил кожу, но не обрёл смелости, и, опустив голову, забрался в машину.

Дверь захлопнулась, отрезав внешний шум. Чжао Сянъянь прижался к двери, уставившись прямо перед собой, сердце бешено колотилось. Он нахмурился, пытаясь скрыть нервозность за маской раздражения. В салоне было прохладно, но на его коже выступила тонкая испарина.

— Ты боишься меня?

— Нет.

Чжао Шэн взял бутылку воды с центральной консоли и протянул ему.

— Почему в прошлый раз ты сказал, что ты Чжао Сянъянь?

— Я не он!

Он уставился на руку Чжао Шэна, не только не приняв воду, но и ещё больше прижавшись к двери.

Чжао Шэн не ожидал, что он так быстро всё отрицает. Его рука замерла в воздухе, и последние остатки надежды были окончательно уничтожены этими двумя словами. Он хотел получить ответ, но получил его так быстро. Насколько же его брат ненавидел и боялся его, стремясь порвать все связи?

Кэ Янь был худощавым, его волосы, только что вымытые, всё ещё были влажными, мягкие пряди прилипли к шее, подчёркивая тонкую и белую кожу. Хотя его фигура была совершенно непохожей на Чжао Сянъяня, но стоило представить, что под этой оболочкой скрывается его брат, как Чжао Шэну становилось трудно дышать.

Разумом он всё ещё с трудом верил. Он не мог сказать, сколько отчаяния скрывалось в этой безоговорочной вере.

Он убрал руку, поставив воду обратно, и начал вспоминать свои немногочисленные встречи с Кэ Янем: непокорный взгляд, настойчивость, с которой тот просил его поверить, слёзы, пролитые из-за жалости. Теперь он всё понимал, но его брат отказывался признавать его.

Чжао Сянъянь, не услышав продолжения, стал анализировать, не был ли он слишком очевидным, и украдкой взглянул в сторону, но случайно встретился взглядом с Чжао Шэном. Это было похоже на те моменты, когда он, провинившись, всё ещё вёл себя дерзко, и через секунду этот непослушный брат начинал нагло улыбаться и кокетничать, заставляя Чжао

Шэна сдерживать желание обнять его.

Сейчас было то же самое. Он не хотел видеть Чжао Сяньяня так далеко от себя, хотел притянуть его к себе, усадить на колени, чтобы тот не мог двигаться или убежать, прижать к груди, обнять, поцеловать, ласкать, честно сказать, что его чувства к нему не братские, попросить не ненавидеть его любовь, рассказать, что он тоже боролся с собой, но ничего не мог изменить, и больше всего хотел, чтобы тот принял его как самого близкого любовника.

Но всё это было невозможно.

Чжао Шэн вынужден был подавить бурю эмоций внутри. Эти постыдные чувства были ничтожны перед фактом, что Чжао Сяньянь всё ещё жив. Если Сяньянь не хотел признавать его, ему оставалось только смириться. И сейчас то, что могло дать Чжао Сяньяню наибольшее чувство безопасности, — это позволить ему думать, что он ещё не узнал его.

— Мой брат уже умер.

Чжао Шэн отвёл взгляд в окно, давая Чжао Сяньяню возможность расслабиться.

— Я не знаю, зачем ты притворяешься им, чтобы обмануть меня, но я люблю своего брата и не позволю другим шутить над его смертью.

Чжао Шэн произнёс слово «люблю» так естественно, что, если бы Чжао Сяньянь не знал его более глубокого значения, он бы не увидел в этом ничего странного.

Это противоречивое чувство снова нахлынуло: жалость и сопротивление. Печаль Чжао Шэна была видна невооружённым глазом, и Чжао Сяньянь чуть было не выпалил признание, но его остановили искажённые чувства, лежащие между ними.

— Все думают, что у нас плохие отношения, что мы поссорились из-за наследства, а некоторые даже говорят, что я, чтобы захватить власть в семье, превратил брата в никчёмного человека.

«Нет, это не так», — мысленно защищал его Чжао Сяньянь.

— Как они могут знать, чего хочет Сяньянь, что ему нравится?

Чжао Шэн сделал паузу, и следующая фраза звучала как будто про себя.

— Я просто хотел, чтобы он жил так, как хотел, поэтому никогда не заставлял его делать то, что он не хотел.

Много лет спустя, вспоминая эти слова Чжао Шэна, Чжао Сяньянь понял, что первая часть была почти что признанием в любви, а вторая — напоминанием самому себе, а также способом успокоить его.

Если он не хочет признавать, пусть не признаёт. Если не принимает, пусть не принимает.

Но в тот момент Чжао Сяньянь не осознал этого и не заметил, что слова Чжао Шэна не имели отношения к текущей ситуации. Он лишь спросил:

— Как умер твой брат?

Он пытался перевести тему на аварию.

В обычной ситуации такой вопрос был бы вызовом для Чжао Шэна, и задавший его рисковал бы жизнью.

Но Чжао Шэн не взорвался. Спокойно вернув взгляд, он ответил, словно признавая вину:

— Я его убил.

— Это не так!

Чжао Сянъянь выпалил это быстрее, чем подумал. Какими бы неправильными ни были чувства Чжао Шэна к нему, он не хотел, чтобы тот жил с этим чувством вины. В конце концов, это он сам настаивал на том, чтобы докопаться до правды, но он был очень рад, что в аварии пострадал не Чжао Шэн.

Однако он быстро осознал, что сейчас у него нет права отрицать это, и, сжав губы, сожалел о своей вспышке.

Чжао Шэн наблюдал за его реакцией, и в его глазах, скрытых тенью, мелькнула едва заметная улыбка. Кто ещё, если не его брат?

Восемнадцатилетний Чжао Сянъянь, хоть и был импульсивным и безрассудным, ничего не понимал в бизнесе и не интересовался им, но всегда заступался за него. Чжао Канчэн однажды упрекнул Чжао Шэна из-за слухов, настаивая, чтобы он учитывал общественное мнение, но только Чжао Сянъянь, не обращая внимания на последствия, уверенно заявил:

— Что не так с моим братом? Эти люди просто сами ничего не могут и любят сплетничать. Я просто люблю веселиться, какое это имеет отношение к моему брату?

Чжао Канчэн сказал:

— Ты понимаешь, что каждое слово и действие твоего брата могут повлиять на акции Наньсин, а интересы группы связаны с благополучием множества людей? Даже самые глупые люди знают, как использовать это. Мог бы ты хоть немного подумать?

<http://bllate.org/book/16410/1486887>